

РОМАН АДАМА И ЕВЫ

Новый спектакль «Московского классического балета»

НАЧЕМ с финала. Вспыхнет после мглы яркий свет, и сцена заполнится молодыми артистами «Московского классического балета». В красивом групповом адажио предстанут перед переполненным залом Кремлевского Дворца съездов потомки Адама и Евы. В программе так и значится: «Человечество — ася труппа». Каждый в этом кордебалете, образованном солистами, танцует так, будто ему поручена самая важная, самая большая роль — назовем, к примеру, неподражаемо хрупкую, поэтическую и изысканную О. Павлову...

Пожалуй, в актерской выразительности всех участников; в умении расчитать свое творческое дыхание, в их осмысленном отношении к сценическим задачам состоит главная заслуга художественных руководителей ансамбля, авторов хореографии — лауреатов Государственной премии СССР Н. Касаткиной и В. Василева. Их усилия, поддерживаемые неустанной работой репетиторов, концертмейстеров, главного дирижера М. Банка, принесли результаты не только эстетического, но и педагогического порядка.

Эстетика спектакля навеяна очаровательными, «рисованными притчами» Жана Эффеля — двумя его книгами «Сотворение мира» и «Роман Адама и Евы». За Эффелем стремится следовать в своих декорациях и костюмах художник Э. Стенберг. Но если философский смысл завуалирован иронией графических юморесок Эффеля, то музыка Андрея Петрова и хореография неожиданно выводят озорные, потешные ситуации балета-комедии на просторы серьезной лирики, полной размышлений о пути человечества и его судьбах. Красноречивая двойственность жанровой природы спектакля была очевидна еще во времена ленинградской постановки на сцене Театра имени Кирова, а сейчас еще сильнее ощутима в новой, более компактной двухактной версии.

Необходимость чрезвычайно быстрых и музыкально-обоснованных переключений из сферы чисто комедийной в область сложноассоциативную, драматизованную, сознательно-современную представляла основное препятствие. Большинство участников первых представлений с честью преодолели эту трудность, показали привлекательно и выигрышно.

Итак, райские кущи и их обитатели. Неутомимые! в подобострастных выражениях восторга Архангелы, увенчанные смешными белыми веночками рослые «верноподданные» М. Владимиров и В. Трофимчук. Неутомимая, резвая, наделенная задиристостью и улыбчивой грацией троица Ангелов — В. Кураевой, Г. Лапиной, О. Стружиной. И, наконец, владелец всего этого хозяйства Бог — величественно-импозантный В. Касацкий и полный созидательного азарта В. Волошин. Его партия несколько переакцентирована: в центре внимания оказались два монолога — полный мук и раздумий эпизод сотворения Адама и пластический плач по изгнанным из рая героям — одинокое шествие согбенного горем, пригнутого к земле, утратившего свои лучшие творческие Творца. Словом, житье у Создателя самое незавидное — решительно никакого благолепия, за всем нужен глаз да глаз, забудешься, а Черт тут как тут — разрушает все идиллии и искажает все замыслы. С всеидеальством сил ада знакомимся мы еще в увертюре, когда благостный напев вдруг сменяется сатанинским хаосом — громом, свистом, скрежетом, будто отзвуками дьявольского хохота, будто раскатами грядущих катастроф. И нам уже не очень страшен проказник и пакостник Черт, каким его видит и танцует энергичный В. Шеховцев, и Чертовка — Н. Ставро, не уступающая ему в напористой, наступательной динамике.

«Пара из преисподней» у Н. Осипян и С. Станова — единственный в своем роде дуэт, где каждый эффектной образ «подает» партнера. Временами их воспринимаешь, как саркастический парафраз Ротбарта и Одилии, поскольку Станов все время демонстрирует нам те «флюиды», что принимаются Осипян. Ее насмешливая и вместе с тем не лишенная демонизма тероиня воистину выдрессирована своим адским патроном. Ее манипуляции с яблоком, ее «соло соблазна» — наглые и не чуждые приманчивости «уроки любви», коим с комическим изумлением и наивностью внимают Адам и Ева, — все нераздельно с логическим развитием образа у Станова.

Герои романа — Адам и Ева. Когда видишь С. Исаева, особенно наглядно ощущаешь дистанции, пройденные за недолгий срок всем коллективом в целом, и талантливым молодым танцовщиком в частности. Собранность, чрезвычайно серьезное и осознанное отношение к трудному хореографическому материалу, благородство сценического облика и манер и, главное, чувство меры. Инфантилизм Адама «в умеренных дозах», наивность нигде не переходит в слащавость, улыбка уже готова уступить место размышлению. Дитя быстро становится взрослым. Рядом с таким Адамом красивая, уверенная в себе Ева — А. Сердюк выглядит куда более искусенной, знающей жизнь.

Трепетная чистота, надземная (столь редкая нынче и столь важная для искусства балета), полетная грация, тревога — в жестах длинных, угловатых, экспрессивных рук, свободная, почти импровизаторская пластика, странно и органично соединенная с классической лексикой, — вот Ева в прочтении М. Перкун. Она с первого появления преисполнена детского любопытства к самой себе и к окружающим. Еще не осознавая своей власти, балерина неспешно, несуетно проводит свою Еву через все ступени бытия. И подлинной кульминацией этого пути, подлинным открытием жизни и осознанием ее тайнств становятся два развернутых дуэта второй части спектакля. А. Куделин — Адам, танцовщик выносливый, ревностно выполняющий весь хореографический текст, и Ева — М. Перкун ведут диалоги удивительные по сочетанию страстности и интеллектуализма, на едином дыхании, в едином порыве. В первом дуэте все — на строгой, почти суровой экспрессии, словно раскрывающей святость, значительность момента. Второй дуэт возникает страшным миражем. Что это? Не распевавшая ли пыль смертоносного ядерного взрыва? Или несущее, гибель облако? И забыв об условностях условнейшего искусства; начинаешь страшиться за судьбу персонажей. Но Адам и Ева оказались сильнее зол мира, человечество явно собирается существовать вечно. И можно ли не порадоваться такому «жизни энду»: под аплодисменты зала каждый персонаж прощается с нами вариацией, являющей собой остроумный конспект всей хореографии. А мы смотрим на юные лица солистов, танцующих так, будто не было тяжелой, утомительной работы, готовых «бисировать» все с самого начала.

Е. ЛУЦКАЯ.